

Рецензируемую книгу Ольги Младеновой (в настоящее время работающей в университете Калгари, Канада) можно назвать энциклопедическим сочинением – так много в ней поставлено научных вопросов (на значительную часть из которых даны убедительные ответы), такой большой языковой материал привлечен для исследования, такое количество научных трудов, уже написанных на данную тему, используется в процессе обсуждения сложнейшей проблемы категории определенности в болгарском языке.

В Вводной главе О. Младенова утверждает, что приобретение болгарским языком, одним из языков балканского языкового союза, категории определенности и соответственно – определенного артикля, является центральным моментом его исторической грамматики. Носители болгарского языка гордятся тем, что в их языке нет падежей, но есть артикль. Некоторые очень патристически настроенные болгаристы

даже пишут, что болгары впитывают с молоком матери «сладость» артикля, который служит особым украшением их языка. Это «самая болгарская» черта болгарского языка. После цитирования подобных патетических высказываний ясно, какую научную значимость О. Младенова придает проблеме эволюции категории определенности в болгарском языке. Ее исследование вскрывает не только механизм превращения указательных местоимений в болгарский определенный артикль, но и связывает эту эволюцию с ранними флексивными показателями определенности в прилагательных, сохранившимися как реликты в современных славянских языках. О. Младенова полагает, что вопрос не в том, как появился артикль в балканском славянском языке, а в том, почему славянские языки разделились на исключившие категорию определенности и сохранившие и перестроившие эту категорию. При решении данной проблемы, с точки зрения исследовате-

ля, необходимо учитывать материал диалектов, а также влияние неславянских языков Балкан. Трудно сказать, удалось ли автору решить эти сложнейшие вопросы полностью, но бесспорно, что рецензируемое исследование вносит немалый вклад в приближение их решения.

Как и многие другие болгаристы, О. Младенова утверждает, что в современных болгарском и македонском языках определенность – это грамматическая категория с энклитическим определенным артиклем, появившимся около XII века или ранее, а отдельно стоящий неопределенный артикль все еще находится в эмбриональном состоянии. Дiachроническое изучение определенности в болгарском языке начинается с текстов наиболее ранних памятников современного болгарского языка дамаскинов¹ XVII века. До О. Младеновой тексты дамаскинов обследовала, в частности, известная российская болгаристка Е.И. Демина, с работами которой О. Младенова хорошо знакома. Примеров из текстов дамаскинов к книге так много, что иногда создается впечатление, что перед нами исключительно исследование раннеболгарского, а не современного болгарского литературного языка; впрочем, можно согласиться с автором, что понимание первых этапов эволюции артикля является исключительно важным для описания его функционирования в современных текстах, тогда как большинство из существующих работ этому диахроническому аспекту почти или вовсе не уделяют внимания.

Во Второй главе рецензируемой книги автор рассматривает выражение и содержание категории определенности в современном болгарском языке. Обширный языковой материал, привлеченный для исследования, О. Младенова представляет почти исключительно таблично. Таблиц в книге очень много – 54 (кроме них, имеется также 7 схем). Правда, иногда избыток таблиц, на наш взгляд, не проясняет изложение, а, напротив, утяжеляет его.

О. Младенова указывает, что в лингвистике было предложено много трактовок содержания (значения) категории определенности. Среди авторов перечислены К. Чвани, Кр. Лайонз, И. Ревзин, В. Станков, В. Косеска-Тошева и мн. др. Она также предлагает собственную концепцию, которая, правда, почти полностью

¹ Дамаскинами в болгаристике принято называть сборники переводных текстов религиозного и дидактического характера (по имени автора первого сборника такого рода, греческого богослова XVI в. Дамаскина Студита); эти тексты обычно предназначались для чтения во время церковной службы и писались на языке, близком к разговорной норме того времени.

совпадает с общепризнанной. Так, О. Младенова пишет, что говорящие могут представить в речи предмет как известный или новый, ср.: *Внимавай! Дупка!* 'Осторожно! (Какая-то) яма!' или *Внимавай! Дупката!* '(Определенная) яма!'. В первом случае сообщение о яме является новой информацией, а во втором – информацией об уже известном объекте. Такие объяснения встречаются во всех учебниках болгарской грамматики, точно так же, как указания, что в подобном случае для выбора определенной или неопределенной формы существительного нужно обратиться к анафорическому уровню данного сообщения (например, к установлению того, упоминалось ли ранее о существовании этой ямы). Ольга Младенова также признает, что определенность имени может возникнуть из знания реальной ситуации – предмет мог не быть упомянут ранее, но он является частью описываемых обстоятельств. Здесь О. Младенова приводит доводы в пользу необходимости употребления определенного артикля, встречающегося практически во всех нормативных грамматиках болгарского языка, ср. пример из учебника Ю.С. Маслова «Грамматика болгарского языка». М., 1981, с. 155: *Един човек орач на една нива. Една мечка отиде при него, таму изля воловете* 'Один человек пахал в поле. Пришел к нему медведь и съел его волов'. Существительное *воловете* употребляется в определенной форме, хотя и появляется в данном тексте впервые, так как представляется естественным, что у пахущего человека были волаы: представление о волах уже включено в картину, создаваемую у слушателя первыми словами сказки. Одновременно О. Младенова справедливо высказывает мысль, что правила употребления артикля, формулируемые в учебниках, во многом искусственны, носители болгарского языка нередко им не следуют.

Описывая определенность имени, О. Младенова приводит данные о том, какими членами предложения могут служить существительные с определенным артиклем. Эти данные помещены в таблицу 16, где немало примеров из дамаскинов. Таблица 18 иллюстрирует интересный пассаж о превращении окончания аккузатива *-а* в артикль мужского рода. Здесь мы находим много ссылок на работы М. Младенова, отца О. Младеновой, что образует некоторую династическую цепь исследований категории определенности в болгарском литературном языке, в его диалектах и в дамаскинах XVII–XVIII веков.

О. Младенова подметила одну интересную особенность болгарского языка, состоящую в том, что в нем, в отличие от многих других

артиклевых языков, могут одновременно употребляться и притяжательные прилагательные и артикль: *бунгалата ни* 'наши бунгало'.

Весьма правдоподобна предложенная О. Младеновой диахроническая модель определенности. О. Младенова считает, что языковые изменения происходят во времени следующим образом: начало изменения медленное, затем процесс ускоряется, при этом различаются две стадии (ранняя стадия быстрой экспансии и поздняя стадия быстрой экспансии) и в конце замедление, обычно без полного охвата данного явления. Различия между фазами процесса изменения не только временные, но и социолингвистические. На стадиях II и III носители языка не чувствуют значительной разницы между разными способами выражения. Затем появляется уверенность, что новая альтернатива является предпочтительной. А на стадиях I и IV носитель языка не ощущает, что происходит какое-то изменение. О. Младенова иллюстрирует указанный процесс образования определенного артикля в первую очередь указательными местоимениями в анафорическом употреблении. Естественно, основным материалом служат тексты дамаскинов. Сравнение данных дамаскинов и современного болгарского литературного языка позволяет О. Младеновой проследить путь развития болгарского определенного артикля.

Читатель, вероятно, обратит внимание на то, что О. Младенова, написав целую книгу о категории определенности, не уделяет сколько-нибудь значительного места проблеме ее противопоставления категории неопределенности. Это объясняется не столько системным, сколько диахроническим приоритетом изложения: при исследовании процессов грамматикализации обычно более принято заниматься эволюцией отдельных языковых единиц, а не их взаимодействием внутри системы. Автор упоминает фактически мельком, что в болгарском языке есть числительное или показатель неопределенности *един*, находящийся на пути к неопределенному артиклю. Серьезных попыток объяснить, почему иногда неопределенность выражается просто отсутствием определенного артикля, а иногда необходимо также употребить *един*, не предпринято; ссылки на стилистические различия не могут быть приняты как веское объяснение. Ценное в данном разделе – это доказательство того, что, как свидетельствуют дамаскины, слово *един* появилось довольно рано. Таким образом, О. Младенова опровергает утверждение ряда болгаристов о том, что *един* в роли показателя неопределенности возникло в результате плохих переводов с западноевропейских языков.

Общий подход к соотношению грамматических значений определенности и неопределенности все же представляется нам недостатком рецензируемой книги, несмотря на то, что это исследование, где во главу угла поставлена диахрония. Понятно, что главным в данном исследовании является категория определенности, но ее нельзя выделить не противопоставляя категории неопределенности. То же следует сказать об определенном артикле, который теряет свое категориальное значение без противопоставления неопределенному, даже если последний еще не сформировался полностью.

О. Младенова обсуждает роль морфологических и лексических классов слов и их синтаксических функций в формировании категории определенности. Она подсчитала количество слов мужского, женского, среднего рода единственного и множественного числа, количество одушевленных и неодушевленных существительных в определенной форме в дамаскинах. Составлено несколько таблиц, которые показывают, что мужской род только включается в категорию определенности, а женский род, средний род и множественное число уже находятся в Фазе III развития определенности. Утверждается также, что неодушевленные существительные опережают одушевленные в приобретении определенного артикля. Все это поясняется любопытным рисунком, графически изображающим развитие и распространение категории определенности (с. 134 рецензируемой книги). Далее в ходе рассуждений О. Младенова приходит к выводу, что развитие определенности происходит как бы обратно процессу разрушения надежды; впрочем, подобная зависимость известна для многих языков мира (хотя и не является универсальной).

В книге имеется довольно большой раздел, посвященный местоимениям, где, в частности, обсуждается известная проблема редупликации местоименных клитик (с большим количеством статистических данных).

В заключении третьей главы О. Младенова предлагает трехмерную диахроническую схему, репрезентирующую определенный артикль в болгарском языке. Это параллелепипед, на сторонах которого буквами обозначены функции артикля, а стрелками – пути развития от одной функции к другой. Первичной функцией является анафора. О. Младенова считает, что эта трехмерная диахроническая схема может послужить отправной точкой для исследований определенных артиклей в лингвистической типологии.

Четвертая глава рецензируемой монографии посвящена текстологии. Здесь автор повсемест-

но прибегает к своему излюбленному приему подавать материал таблично, например, целых четыре страницы книги заняты таблицами, в которых перечислены архаизмы и инновации в области определенности, отмеченные в текстах нескольких дамаскинов. При этом рассмотрен огромный по объему материал. О. Младенова заметила, что процесс формирования неопределенного артикля, который идет в настоящее время, начался уже в XVII–XVIII вв. Ценно также ее наблюдение, что положение с локативными и экзистенциальными конструкциями, характерное для современного языка, отмечается уже в дамаскинах. Представляется интересным наблюдение О. Младеновой о том, что в современном болгарском языке в локативных и экзистенциальных конструкциях с «иметь» и «быть» только *има* сочетается с существительным в неопределенном значении: *Вчера имаше облаци* 'Вчера были облака'. Автор называет эти конструкции периферией функционирования категорий определенности / неопределенности.

Текстологический анализ дамаскинов XVII, XVIII и XIX вв. позволил О. Младеновой подтвердить некоторые из ее выводов о развитии определенного артикля, упомянутые выше.

Последняя глава книги посвящена рассмотрению категории определенности в диалектах. Здесь О. Младенова в значительной степени опирается на труды Г. Цыхуна и М. Младенова. Эти лингвисты показали, что диалекты проявляют больше консерватизма, чем современный литературный язык, поэтому в диалектах определенный артикль употребляется реже.

Описывая артикль в болгарских диалектах, О. Младенова остановилась на таком экзотическом явлении, как трехчленная система артикля. Эта система прижилась в македонском языке и в некоторых диалектах других балканских языков. О. Младенова справедливо указывает, что система тройной ориентации связана с проблемой соотношения категорий определенности и лица. Существование трех определенных артиклей в противоположность одному объясняется тем, что значение определенности объекта может выражаться либо 1) без указания на его расположенность по отношению к говорящему и слушающему во времени и пространстве (*гривната* 'браслет'); 2) либо с указанием на расположенность определенного объекта близко к говорящему (*гривнаса*); 3) либо с указанием на расположенность определенного объекта далеко от го-

ворящего (*гривната*). Наличие трехчленного определенного артикля не является открытием О. Младеновой, но ценно, что она произвела сопоставление одночленной и трехчленной систем этого артикля (как обычно, таблично: см. таблицу 50, с. 324).

В шестой главе О. Младенова рассуждает о болгарской категории определенности в ее сопоставлении с определенностью в других балканских языках — в греческом, румынском, турецком. Так, она указывает, что болгарско-греческое двуязычие способствовало развитию определенного артикля, что имена родства в турецком оказались благодатной почвой для появления артикля; сильным было также влияние румынского языка с его постпозитивным определенным артиклем. В этом разделе книги О. Младенова часто ссылается на работы М. Младенова и на свои многочисленные статьи по отдельным аспектам определенности.

Заключительные замечания, приведенные в седьмой главе (что нередко наблюдается и в других исследованиях) выглядят несколько неожиданными и не полностью вытекающими из общего содержания книги. Например, утверждение, что центральным моментом в данной работе является сопоставление грамматических и неграмматических фактов, едва ли ощущается как таковое. Скорее наоборот, автора можно упрекнуть в недостаточно четком разграничении лексики и грамматики. В противоположность этому представляется очень ценным то обстоятельство, что автор рецензируемой книги обратила внимание не только на именную структуру (центр функционального поля определенности), но и на различные периферийные приемы выражения определенности, работающие вместе с именной структурой в качестве показателей определенности. Кроме того, в книге О. Младеновой прослеживается развитие падежной системы, категорий рода, числа, одушевленности, лица, посессивности в их связях с категорией определенности. Данное исследование определило преемственность показателей определенности в современном болгарском и в древнеболгарском языках. Вполне правдоподобным следует признать заключительное утверждение автора, что подход к анализу определенности, принятый в данной книге, открывает перспективы для новых исследований по истории и диалектологии в болгарском, славянском и балканском языкознании.

Т.Н. Молошная